

УДК 94(571.51)«1917/1918»

Менталитет сибирского крестьянства как один из факторов развития политического процесса в ноябре 1917 – ноябре 1918 г. (по материалам Енисейской губернии)

А. П. Дементьев

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы влияния менталитета сибирского крестьянства на процесс трансформации власти в Енисейской губернии в период от прихода большевиков к власти до установления диктатуры А. В. Колчака.

Ключевые слова: Енисейская губерния, менталитет, крестьянство, советы, земство, революция.

Воссоздание объективной картины событий 1917–1918 гг. в Сибири во всей их сложности, многомерности и противоречивости требует обращения, в том числе, и к социокультурным факторам, влияющим на развитие политического процесса. Работы историков В. П. Булдакова [1], М. В. Шиловского [21], А. А. Штырбула [22], носящие общероссийский и общесибирский характер, создают определенный плацдарм для продолжения детализации вопросов общественно-политической борьбы на материалах локальных социумов. Данная работа посвящена изучению влияния менталитета сибирского крестьянства, в частности представлений о свободе, на ход политического процесса в Енисейской губернии в период от прихода большевиков к власти до установления диктатуры А. В. Колчака.

В ноябре 1917 г. большевики, заручившись поддержкой рабочих и солдат, провозгласили советскую власть в городах Енисейской губернии. Следующим этапом на пути строительства новой власти стала борьба большевиков за создание в деревне прочной организационной структуры в лице сельских и волостных советов, что подразумевало под собой ликвидацию земских органов, образованных в конце 1917 г.

При организации нового аппарата власти большевики умело опирались на традиционные представления крестьян, акцентируя внимание на сходстве советов с сельскими сходами. В инструкции по организации волостных и сельских советов крестьянских депутатов, опубликованной 21 января в «Рабоче-крестьянской газете», напрямую указывалось: «Сельский сход переименовывается в сельский совет крестьянских депутатов и выбирает из своей среды сельский исполнительный комитет...» [18, с. 3]. Естественно, что кре-

стьянам привычнее было решать местные дела на сходе, чем на земском собрании, поэтому они охотно откликнулись на создание советов, необремененных, в отличие от земств, излишней регламентацией и бюрократизацией [23, с. 7]. Это вынуждены были признать даже их политические оппоненты – эсеры, которые отмечали, что под названием советов большевики «восстановили давно знакомую и привычную власть сходов» [14, с. 2].

Кроме того, в отличие от земского гласного, делегата в совет можно было легко заменить, переизбрать. Например, 20 мая 1918 г. жители села Тесь в Минусинском уезде постановили переизбрать председателя сельского Совета как «плохо исполняющего интересы граждан» [17, л. 81]. Данное положение отвечало стремлению крестьянства к контролю над властными учреждениями.

Тем не менее опора большевиков на особенности крестьянского менталитета не обеспечила повсеместной советизации деревни. Сказывались прочность позиций эсеров в сельской местности, низкий уровень политической грамотности крестьянства, значительность территории губернии. К лету 1918 г. волостные советы были созданы в 70 % волостей, уровень советизации села был значительно меньше.

Придя к власти в обстановке острого социально-экономического кризиса, большевики были вынуждены отказаться от анархических экспериментов и взять курс на ужесточение политики, проведение принудительных мероприятий. В Енисейской губернии – как и в целом по Сибири – это проявилось в трансформации советов из органов революционного творчества масс в проводников большевистской диктатуры, во введении хлебной монополии и продовольственной диктатуры, изъятии недоимок.

Изменение политического курса большевиков превратило волостные и сельские советы в своеобразный институт по изъятию продовольствия, фуража, взыскания недоимок с крестьян. Перестав видеть в советах «истинно-народную» власть, крестьяне в большинстве случаев игнорировали их постановления. Так, по подсчетам Ю. В. Журова, в губернии только около 10 волостных советов сумели «провести» хлебную монополию [13, с. 10]. В этой ситуации 8 мая 1918 г. губернский ИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял постановление об отправлении в деревню красногвардейских отрядов для реквизиции семенного материала у зажиточных крестьян. Губернский продовольственный съезд (27–30 мая 1918 г.) принял решение о применении репрессивных мер по отношению к зажиточным категориям крестьянства [15, с. 480]. Продовольственная политика, осуществляемая через систему конфискаций и реквизиций, вызывала недовольство крестьян и подрывала авторитет советской власти.

Схожая ситуация сложилась с взысканием податей и недоимок. Испытывая нехватку финансовых средств, советы попытались собрать с крестьянства недоимки за 1916 и 1917 гг. Соответствующее постановление было принято на губернском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в марте 1918 г. Однако крестьяне, уверенные в том, что революция их полностью освободила от уплаты любых налогов, встретили данную меру с негодованием. К примеру, общее собрание граждан села Замятинского Зале-

деевской волости 10 марта постановило: «Ввиду того что раскладка на 1917 г. производилась старым императорским правительством – общество отказывается категорически платить сборы» [5, л. 46]. В марте 1918 г. ИК совета крестьянских депутатов Мининской волости Красноярского уезда констатировал, что «крестьяне совершенно ни копейки не платят и, по-видимому, даже не показывают желаний платить» [2, л. 28].

Стремясь избежать принудительного изъятия продовольствия и взыскания недоимок, крестьяне отказывались от советов. В марте жители Заледеевской волости Красноярского уезда заявили, что «им не надо ни советов, ни красной гвардии» [19, с. 3]. На заседании Красноярского уездного Совета крестьянских депутатов 15 апреля делегат от Шалинской волости заявил, что они «не признают власти советов и требуют немедленного созыва Учредительного собрания, как правомочного хозяина российской республики».

Попытки большевиков вернуть контроль над волостями при помощи Красной гвардии еще больше драматизировали ситуацию в деревне. Согласно информационным листкам отдела местного управления НКВД РСФСР, в мае 1918 г. среди сибирских крестьян было заметно «массовое недовольство советской властью» [12, л. 118]. Как отмечал управляющий Минусинским уездом П. Н. Тарелкин в своем секретном отчете управляющему Енисейской губернией П. С. Троицкому от 2 ноября 1919 г., крестьянство уезда – главного хлебозаготовительного района губернии – «крепкое, зажиточное, хозяйственное», в июне 1918 г. было возмущено «произволом и грабежами советской власти» [9, л. 1].

Разочарование в советской власти привело к тому, что в период чехословацкого выступления в Ачинском, Красноярском и Енисейском уездах крестьяне проявили полнейшее безразличие к происходящим событиям, в Канском уезде – оказали содействие чехословакам, в Минусинском – сами свергли советскую власть.

В Канском уезде население Анцирской волости, чтобы оказать чехам помощь в поддержании порядка, отправило в уездный центр отряд добровольцев [7, л. 182–185]. 1 июня 1918 г. начал свою работу уездный крестьянский съезд, делегаты которого одобрили свержение советской власти, констатируя, что в течение «царствования власти большевиков в уезде получился полнейший развал». В итоге съезд постановил власть большевиков признать «павшей навсегда, выказав ей полное негодование» [10, л. 21–22].

В Минусинском уезде о своем недовольстве политикой местного совета крестьяне заявили организованно, «всем миром», на VI уездном крестьянском съезде, начавшем свою работу 1 июня 1918 г. Делегаты съезда потребовали от ИК Минусинского совета полного отчета о своей деятельности. В ответ совет, не осознавая всей сложности складывавшегося положения, распустил неугодный крестьянский съезд и решил созвать новый, с более лояльным крестьянским составом [20, с. 77–78].

Крестьянство Минусинского уезда, расценив разгон крестьянского съезда как покушение на свои права, широко откликнулось на призыв отправлять в город вооруженные отряды для защиты делегатов нового съезда [3, л. 3].

Так, собрание граждан Моторской волости, заслушав доклад делегатов VI крестьянского съезда, нашло, что Минусинский совет «не пожелал идти навстречу желаниям трудового народа». Действия совета крестьяне считали «в корне недопустимыми» [16, л. 240, 282]. 21 июня крестьяне села Тесь решили организовать добровольный отряд для отправки в Минусинск на поддержку делегатов съезда [17, л. 87].

В итоге к открытию VII Чрезвычайного уездного крестьянского съезда 21–29 июня 1918 г. Минусинск был окружен крестьянско-казацкими дружинами, насчитывавшими, по различным сведениям, от 1 500 до 10 тыс. человек [20, с. 78]. Состав делегатов оказался еще более антисоветски настроен, чем на предыдущем съезде. В результате 23 июня ИК Минусинского совета был вынужден сложить свои полномочия.

Освободившись от принуждения со стороны советской власти, крестьяне уже с настороженностью и недоверием воспринимали действия Временного Сибирского правительства, опасаясь нового наступления на добытую свободу. В июле – августе 1918 г. инструктор губернского комиссариата в своем отчете, характеризуя ситуацию в Красноярском уезде, докладывал, что отношение крестьян к Временному Сибирскому правительству «выжидающее и сдержанное». В деревне Замятиной крестьяне открыто заявляли, что не будут подчиняться правительству и платить ему подати [8, л. 10–15]. 30 ноября 1918 г. информатор Тасеевского района докладывал Канскому уездному организатору, что отношение крестьянства к новой власти можно выразить словами: «Нам все равно, какая бы власть не была, только бы народу жилось хорошо, покойно, желательно иметь достаточно фабрикантов, земледельческих орудий и избавиться бы от платежа податей, мотивируя тем, что царя нет и подати платить некому» [11, л. 4].

Схожим было отношение крестьянства и к восстановившему свою работу земству. На Красноярском уездном земском собрании 12 июля гласный от села Еловского, беспартийный крестьянин Спасенов заявил, что в его селе подати платить отказываются, опасаясь того, «что и эта власть также уедет с деньгами на пароходах, как это сделали большевики» [4, л. 398]. 14 сентября 1918 г. Шелеховская волостная земская управа Канского уезда сообщала, что, вступив в управление волостью, она «не встретила со стороны населения никакой поддержки... в деревнях смотрят на земство... как на что-то для них маловажное и почти ненужное» [6, л. 7].

В условиях индифферентного отношения большинства населения к органам самоуправления, земству так и не удалось стать связующим звеном между массами крестьянства и властью. В свою очередь, органы административной власти – уездные комиссариаты в данной ситуации, с первых дней работы столкнулись с невозможностью проводить свои решения мирными средствами. Уже в июле 1918 г. они начали требовать увеличения своих полномочий. В своем секретном сообщении в Енисейский губернский комиссариат от 14 июля член Канского уездного комиссариата, беспартийный И. В. Брызгалов сообщал, что о прочности правительственной власти в городе и уезде говорить не приходится, а «вопрос об общественной безопасности

стоит весьма остро» [10, л. 3–4]. Исходя из этого, он требовал передать в его распоряжение военную силу и милицию. В ответ на требования местных комиссаров Сибирское правительство в сентябре 1918 г. пошло на расширение компетенции центральной власти за счет ограничения прерогатив органов самоуправления. Единственным способом обеспечить работоспособность системы власти и противостоять большевистской диктатуре становилось ужесточение политического режима. В результате в ноябре 1918 г. в Сибири установилась военная диктатура А. В. Колчака.

Таким образом, в 1917–1918 гг. стремление сибирского крестьянства освободиться от любого принуждения со стороны власти стало важным фактором развития политического процесса. Потворствуя данной социально-психологической установке, большевики активно внедряли в крестьянские массы идею советов как «истинно-народных» органов власти. Однако наметившийся к весне 1918 г. курс советов на приведение крестьянства к подчинению, в том числе и силовыми методами, вызвал резкое недовольство в деревне и лишил советскую власть поддержки в период чехословацкого выступления. Стремясь защитить добытую в ходе антибольшевистского переворота свободу, крестьяне фактически саботировали работу органов местного самоуправления и управления. Единственным способом обеспечить работоспособность органов Временного Сибирского правительства становилось ужесточение политического режима.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : Рос. полит. энцикл., 1997. – 376 с.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р–198. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКК. Ф. Р–258. Оп. 1. Д. 52.
4. ГАКК. Ф. Р–817. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАКК. Ф. Р–817. Оп. 1. Д. 29.
6. ГАКК. Ф. Р–819. Оп. 1. Д. 17.
7. ГАКК. Ф. Р–1777. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАКК. Ф. Р–1800. Оп. 2. Д. 13.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–149. Оп. 1. Д. 15.
10. ГАРФ. Ф. Р–149. Оп. 1. Д. 21.
11. ГАРФ. Ф. Р–149. Оп. 2. Д. 25.
12. ГАРФ. Ф. Р–393. Оп. 3. Д. 36.
13. Журов Ю. В. Гражданская война в сибирской деревне / Ю. В. Журов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 196 с.
14. Знамя труда. – Красноярск. – 1918. – 17 июля.
15. Красноярский Совет. Март 1917 – июнь 1918 г. : сб. док. – Красноярск, 1960.
16. Муниципальное казенное учреждение архив города Минусинска (МКУ АГМ). Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 1а.
17. МКУ АГМ. Ф. Р–40. Оп. 1. Д. 1.
18. Рабоче-крестьянская газета. – Красноярск. – 1918. – 21 янв.
19. Рабоче-крестьянская газета. – Красноярск. – 1918. – 9 марта.
20. Шекшеев А. П. Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (окт. 1917 – конец 1918 г.) / А. П. Шекшеев. – Абакан : Изд-во ХакГУ, 2007. – 160 с.

21. *Шиловский М. В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. – 428 с.

22. *Штырбул А. А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая половина XX в.) / А. А. Штырбул. – Омск : ОмГПУ, 2008. – 611 с.

23. *Юрцовский Н. С.* Сибирское земство в первые годы его существования / Н. С. Юрцовский. – Татарск : Тип. Уезд. земства, 1919. – 34 с.

Siberian Peasants' Mentality as a Factor of the Political Process Development in November 1917 – November 1918 (Based on the Data of Yeniseysk Governorate)

A. P. Dementyev

*Krasnoyarsk State Teacher Training University
n. a. V. P. Astafyev, Krasnoyarsk*

Abstract. The article analyzes the impact of the Siberian peasants' mentality upon the process of the authority transformation from the assumption the power by Bolsheviks up to the establishment of the dictatorship of A. V. Kolchak.

Keywords: Yeniseysk governorate, mentality, peasantry, the soveits, zemstvo, revolution.

*Дементьев Александр Петрович
аспирант
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
660049, г. Красноярск,
ул. Ады Лебедевой, 89
тел.: 8(965)918-39-69
e-mail: dementjev.ap@yandex.ru*

*Dementyev Aleksander Petrovich
Postgraduate
Krasnoyarsk State
Teacher Training University
n. a. V. P. Astafyev
89, Ada Lebedeva st.,
Krasnoyarsk, 664049
tel.: 8(965)918-39-69
e-mail: dementjev.ap@yandex.ru*